

Ахат Мушинский

Пути

рассказ

58

СВЕТЛЫ...

НОВОСТЬ облетела деревню быстрее ветра. В тот же день она и до бабы Кати донеслась, хотя и жила та на отшибе за озерцом в одиночестве. Весть была о том, что в районный центр приехал известный хирург-глазник на огромном автобусе (передвижной операционной) с десятком помощников.

Бабка взволновалась, поскольку была почти слепа. Возраст возрастом, а видеть-то хотелось. И уж совсем сон потеряла, когда через неделю узнала о возвращении из райцентра прозревшего деда Толкуши, бывшего печника, глаза которого застила «тёмная вода», по-научному – глаукома. Теперь он опять, как много лет назад, сиживал на лавочке у своего дома и демонстративно почитывал газету.

На отшибе за озерцом баба Катя всё-таки не совсем в одиночестве жила. Через просёлочную дорогу напротив её двора с недавних пор обосновался в заброшенной насыпущке неизвестно откуда взявшийся одинокий жилец примерно сорока с лишком лет по имени Сабир. Это был угловатый, медлительный мужчина, но с руками, то есть умел держать в них и топор, и молоток... Не спеша, он со знанием дела вернул, казалось бы, мёртвую хибару к жизни, поправил за-

бор, ворота, в которые загонял после еженедельных отлучек своего трёхногого коня – мотоцикл с коляской.

Соседка сперва ворчала, даже пару раз громко высказала своё недовольство по поводу шума и вонии от его машины. Однажды он погазовал у дома, когда пришлось менять муфту стартера, но сразу понял свою ошибку и больше уж такое не повторял.

Как-то по осени заявила она к нему и с порога затребовала помощи: дым из её печи пошёл, видите ли, не в трубу, а в избу. Он откликнулся, ступил на половицы её дома, и уже на следующий день над озерцом встали в редком безветрии два соседствующих белых столба дыма.

Надо сказать, здесь всегда было ветрено. Ветер продувал деревню насквозь со стороны степи, начиная как раз с их дворов за озерцом. Поначалу Сабир наивно поставил на крыше флюгер в виде то ли дракона, то ли петуха, и он как встал клювом в сторону степи, так и замер навсегда.

Постепенно одинокие соседи на отшибе нашли общий язык, если это можно так сказать, – Сабир-то был редкостным молчуном. За него говорили его руки. Старухе он и половицы на крыль-

це переложил, и слив для стока дождевой воды наладил... Она, благодарная, в ответ запускала самовар и угощала его чаем с бубликами, которые он сам и привозил на своём мотоцикле. Пирогов она давно не пекла, поскольку к своим семидесяти почти совсем ослепла.

Зато тархтела без умолку. Компенсировала, что ли? Обсуждала, предрекала, но больше вспоминала. Говорят же, глаза стариков назад смотрят.

А сосед слушал. Такого слушателя поискать. Правда, старуха порой, замолчав вдруг, тыкала его костистым перстом:

– Ты гдей-то?

В смысле: не уснул ли?

Нет, он слушал. И её, и себя... вну-треннего. Какие-то свои давние разгово-ры, видимо, вставали в его памяти. Она раз-другой пыталась выведать его подноготную, но он только отмахивался: не интересно, мол, чего былое перема-львать!

В тот день соседа дома не было. Укатил куда-то с утра на своём дран-дулете. Тихо в его дворе. Ни молоток тебе не стукнет, ни петух спросонья не кукарекнет – какая живность! и кошки-то у него не было. Зато она, «своими глазами» услышав, как шелестит газе-той на завалинке под тёплым солныш-ком Толкуша, места себе не находила. Туда-сюда, туда-сюда... И курам дала внеочередную порцию пойла, и Паль-му спустила с цепи погулять, и на ко-лодец смоталась с одним ведёрком – в другой-то руке тросточка-посошок. А сама прислушивалась – не заверещит ли в степной дали мотоцикл: несущего твоего соседку!

Насколько видели её глаза? Разве определишь в каких-нибудь известных долях-единицах! Сегодня вот на пути к Толкушкиному дому прорезался полу-денный луч, а вчера – тьма-тьмушная без единого просвета. И что! Давно уж без глаз управлялась она в хозяйстве. Чего глядеть-то! Каждый шаг рассчитан годами жизни, любое движение взвеше-но навыком, все шорохи-шумы пойма-ны чутким ухом. Вон Пальма звякнула

цепью, вон куры что-то всполошились – закудахтали в курятнике, захлопали крыльями, а вон застрекотал кузнечи-ком вдали мотоцикл...

Она выставилась за ворота, и как только запылённый с дороги сосед по-дошёл к ней поздороваться, позвала его вечером:

– Чайку попьём...

В ответ он спросил только:

– Что-то ты взволнованная какая-то, баб Кать... Случилось чего?

– Да нету, – ответила она и пошла по обыкновению с задранной головой накрывать стол.

Меню у ней всегда было одно и то же – варёная картошка, яйца, квашеная капуста и подсолнечное масло. Ну, ко-нечно, чай с молоком, сахар, мёд, ко-торый она брала у местного пасечника. Остальное – колбаску или «консерву» какую – прихватывал в виде гостинца Сабир.

На этот раз, однако, посреди стола красовалась поллитровка водки под ви-давшей виды этикеткой.

– Сколько лет выдержки? – пошутил гость, нарезая краковскую.

– Да нет, по рюмочке-другой можно же в кои веки, – оправдывалась хозяйка. – В прошлом году купила для печника, но обошлось. Уж и забыла о ей совсем.

В избе, несмотря на середину лета, было прохладно. В окнах занудно жуж-жали и бились о стёкла мухи. Прочие шумы сквозь бревенчатые стены про-биться не могли. Да и какие они могут быть в деревне? Троллейбусы-трамваи по просёлочным дорогам не ходят, ре-бятни тут, за озерцом, нет, разве что во-рона каркнет.

Тихонько играло радио. Телевизор она перестала включать, только пыль машинально протирала с него. Было в избе удивительно чисто, опрятно, буд-то жила здесь молодая, глазастая баба.

Хозяйка подняла гранёную рюмку.

– Пилось бы да елось, – говаривал мой расписанный браком супруг, – да ишо не болелось. – Хозяйка в один при-ём опорожнила рюмку и пододвинула квашеную капусту гостю. Тот принял

за дело молча. Понятно, проголодался порядком.

– А сам заболел. Поджелудочная железа... – разматывала клубок воспоминаний хозяйка. – Повезли в город, там его и зарезали.

– Как зарезали? – поперхнулся гость.

– В больнице... На операционном столе и помер. Говорила ему: погодь, сама выхожу, настоями трав оздоровлю – нет, не поверил. – Она на минуту смолкла. – Давай по второй. Мой, помнится, сказывал: по одной нельзя – хромать будешь.

Мужчина взял бутылку, аккуратно разлил. Расправлялся с рюмкой он в два глотка, с расстановкой. Так же обстоятельно ел, тщательно хрумкая капустой, перемешанной горячей картошкой и политой подсолнечным маслом. Вскидывал свои дегтярно-чёрные глаза, уважительно внимал разглагольствованиям старухи.

– Мы с им ладно жили. Ещё до армии поженились. Совсем мальчонкой его я полюбила. А уж из армии вернулся бравым молодцем. Сапоги блестят, медали на груди и бляха на ремне огнём полыхают. А уж умелец был... Кол забьёт – яблоня вырастет. Любо-дорого было с им на энтот свете. Да вот ушёл. И сорока семи ведь не было. Вот как ты щас. – Баба Катя подтёрла побежавшую по щеке слезу кончиком платка, который с головы нипочём не стаскивала, зашарила по избе невидящими глазами, да запел тут на краю стола электрический самовар – отвлэк... Бабка засуетилась, нащупала заварочный чайник, безошибочно залила кипятком, накрыла видавшей виды тряпичной куклой в сарафане – пускай заваривается.

– Всяко-разно бывало, – продолжила она уже более спокойно. – И сладко, и... И вот дочку родили мы с им. Сейчас в городе. В научном институте робит. Хочу поехать очень к ей, внучек поняичить, только вот... Сам же знашь, не вижу ни черта.

– Что же она сама не приедет?

– Не может.

– Поня-я-ятно.

– Сабирушка, дорогой... – Баба Катя как-то вся подобралась, выпрямилась. – Я ж те говорила, в райцентр врач знамый приехал, глазник. Вон Толкушу нашего уже зрячим сделал. Свози меня к ему. Може, и мне мои прежни глаза вернёть?

– Когда? – не переставая жевать, спросил он.

– Завтра же, а чё тянуть! Вдруг не поспем, у нас таких, как я, поди, тыща.

Немногословен новый сосед у бабы Кати:

– Хорошо.

– Чтоб не припоздниться, надо бы поране.

– С твоим петухом и сыграю подъём.

– Ну, ты уж совсем! – вздохнула полной грудью баба Катя. Она знала, что сосед не откажет, однако всё равно волновалась – на кой-то день согласится ведь.

Уже ближе к полуночи вышла со двора за ворота, присела на пень от векового дуба, который лет сорок назад срезало молнией и который чуть было не раздавил её дом. С озера доносились хоры лягушек, со степи веяло сладко-горьким дыханием полыни. Сколько здесь, меж озером и степью, всего произошло! И родилась, и родила, и в негодность пришла. Раньше ведь газеты с такими мелкими буквами деду читала, а теперь на сельпе вывеску не прочесть. Какой вывеску! Саму избушку продмага по внутренней памяти только и найдёшь. Зато нюх и слух обострились. Надо ж на старости лет!

– Не-е, жить можно! – назло напасти бросила во тьму баба Катя. Подняла глаза и уже про себя, не разжимая губ: «Только не поймёшь, чисто ли небо над головой и что пророчат звёзды к завтраму».

Ни свет ни заря баба Катя стала поглядывать в окошко на соседову насыпушку, вернее, прислушиваться – не брякнет ли щеколда на воротах, не взаржёт ли разминочно железный конь, на котором она должна отправиться

в поход за зрением. Всё ж таки очень хотела напоследок увидеть своих внушек в городе глазами своими. И готова была за ради того на любую операцию, на любую боль, хотя по жизни не терпела никаких врачебных вмешательств в Богом данное состояние её организма – помнила судьбу мужа. В Бога-то она, грешная, верить верила, но сдержанно. Гром грянет – перекрестится... А так... Являлась на Пасху и Рождество в церковь на другой стороне деревни, но в последние два года изменила праздничной привычке. Почуяла она какую-то несправедливость к своему быстротечному присутствию на земле. Нет, не возропала на Всевышнего, просто непонятная обида закралась в душу. И истока этой обиды баба Катя не находила.

Железного коня она в то утро оседлала впервые. Впрочем, не оседлала. сосед усадил её в коляску.

Она сунула вдоль тесной люльки свои ревматические ноги, трость, положила на колени сумку с документами, кошельком, расчёской, носовым платочком и – всё-таки! – крошечной в полиэтиленовом пакете иконкой, оставшейся от матери, натянула колясочную искож-накидку, Сабир поправил, и они поехали.

Утро выдалось ясное, но ветренное. Молодое солнце светило ярко и с каждой минутой набирало мощь. Такое бывает в этой степи – вместе с начинающейся жарой всё сильнее поднимался ветер. Защитных стёкол на мотоцикле не было. Сабир, как мотогонщик, надел дорожные очки, баба Катя зажмурилась и прикрыла глаза ладонью. Память рисовала ей картины юности, как они с отцом тряслись по этой вот дороге в райцентр на телеге, запряжённой смиренной и пятнистой, как корова, конягой за какими-то удобрениями для колхозной пашни, которая раскинулась на другой от их дома стороне деревни, за церковью и клубом. Также трясло, также жарило солнце, и напирал ветер.

Частенько отправлялась она в степь и с матерью. Блуждали вне троп и до-

рог, собирая лечебные корешки, травы – полынь, ковыль, девясил... Дома провяливали, просушивали в тени, затем обрабатывали... Аптечными лекарствами сроду не пользовались.

Здесь, в пушистых ковылях, восьмиклассница Катя в первый раз поцеловалась. С одноклассником – будущим мужем своим. Да уж, поцеловалась! – ткнулись друг в дружку носами, подбородками, вот и всё. А потом бегали, догоняясь, до самой одури. И не было границ ни степи, ни жизни. Раздолье, красота! У каждого ведь своя родина. Кто Волгой-матушкой хвалится, кто тайгой, кто морем, а у неё – степь, которая давным-давно быльём да новым ковылём поросла.

– Не зря ваш колхоз назвали «Светлым путём», – прокричал Сабир. Ветер мгновенно сорвал слова с губ и унёс в степной простор за мотоциклом.

– Каким путём? – расслышала баба Катя только последнее слово.

– Светлым путём, говорю, едем в райцентр, – напрягая связки, пояснил Сабир, усмехнувшись.

– Ох уж!.. – воскликнула баба Катя, – Пути светлы, да глаза слепы.

– Ничего, сегодня они слепы – завтра зрячи.

Прямо по дороге издали навстречу приближался гонимый ветром шар перекасти-поля. Мотоциклист притормозил, травянистый клуб подпрыгнул перед самым носом, врезался в руль, сухо скользнул по шлему и улетел. Сабир оглянулся: за мотоциклом – ничего, кроме пыли.

Баба Катя испугалась. По лицу её будто злая тень пробежала и хлестнула то ли сухой веткой, то ли колючкой. Она вжалась в коляску – не к добру это.

Минуту спустя мотоцикл зачихал и тихо встал.

– Что случилось? – забеспокоилась баба Катя.

Сабир не ответил, покрутил набалдашники ручек, слез с «коня», снял очки, опять взялся за руль и принялся ломать ботинком рычаг кик-стартера. Бесполезно. «Урал» безмолвствовал.

– Гора старого утиля! – выругался он, обошёл мотоцикл вокруг, достал из патронташа отвёртку, плоскогубцы, скрючился у цилиндра – так, что почти скрылся из виду. Бабка продолжала сидеть в коляске, надеясь, что верные руки соседа всё уладят, и они тронутся дальше.

Время шло, однако машина не подавала никаких признаков жизни. Баба Катя не выдержала – пекло солнце, дул ветер в лицо, зашалили нервы, и она полезла из люльки. Но и на ногах не успокоилась, коротко замаячила туда-сюда. Беспокойство нарастало – неужели она так и не доберётся до чудо-доктора?

Сабир, наконец, выпрямился, тщательно протёр тряпкой руки и сказал:

– Пошли пешком.

– Дык, неблизко ж! – завозражала баба Катя.

– Ничего, дойдём.

– Всё-то у его – ничё, а у меня рематизм.

– Пошли, пошли. – Он взял её под локоток, и они не сразу, но двинулись по пыльной дороге.

Метров через пять старуха остановилась и сказала, что забыла тросточку в коляске.

– Я твоя тросточка, – ответил Сабир.

– Ещё вот что сообщу, – продолжила она, оставаясь на месте. – Дорога в райцентр идёт в обружную, надо срезать и прям через степь... Ближе будет.

На немое сомнение провожатого дёрнула кончики платка под подбородком и ответила, как отрезала:

– Я тут кажную кочку знаю, не боись!

Сабир кинул взгляд на без конца и краю степь. Под ветром гривы седого ковыля ходили, точно морские, пенные волны. Высоко в чистом, без единого облачка, небе заливался звонкой песней жаворонок. И не было ему дела до жары, ветра, сломанного мотоцикла и слепой старухи.

– Какие кочки, ты же не видишь дальше носа ничего!

– Я не глазами вижу, – ответила она.

Неожиданно для самого себя слова старухи убедили видавшего виды мужчину. И парочка свернула с дороги.

Он держал её под руку, а она чуть впереди него удивительно ловко лавировала между метёлками ковыля, кустами полыни и чертополоха.

Но скоро баба Катя начала тормозить, спотыкаться...

– Что с тобой? – остановился Сабир.

– Я ж те говорила – ноги... Болят они у меня. Давай передохнём малость.

Он согласился.

Сели в траву, перевели дух. Поднялись, снова двинулись... Однако через пять минут старуха опять заспотыкалась.

– Не могу больше. Перекурим.

– Нет, так дело не пойдёт. Садись мне на спину.

Хотела баба Катя возразить, но здравомыслие не изменило ей, и она, перекрестившись, подчинилась – полезла на хребет присевшего спутника.

Жаркое солнце набирало высоту. Коротко стриженую мужскую голову нещадно пекло. Порывы ветра не остужали. Ноша хоть и была невесть что, тем не менее свой вес имела.

«Да и выпил вчера лишнего, – казнил себя Сабир. – Надо же, без двух бабкиных рюмок самостоятельно осушил бутылку! Будто отродясь водки не видел. Хотя и верно – сто лет уж ни капли».

Степной путь был совсем не шёлковым. Постепенно ноша стала весомо тянуть, ноги налились тяжестью, рубашку хоть выжимай, в висках застучало. А бабка на загорбке разговорилась. Всю свою жизнь вспомнила. Внучата у ней, оказывается, внучками были, близняшками, школьницами начальных классов. Не то второклашками, не то постарше. Сама всюду ранняя была, а дочь поздней оказалась. Всё бы хорошо, да вот муж – отец деток – сбежал от семьи.

– Потому и нелегко Марийке-то. Слышь меня?

– Угу... – только и мог ответить Сабир.

– А что значит твоё имя? – не унималась наездница.

– Терпеливый, – ответил он.

– Стало быть, выносливый, упёртый. Извиняй, конечно, но у нас поговорка есь. – Бабка даже хихикнула. – Нет, не скажу. Обидешься ишо.

– На обиженных воду возят, что ли?

– Не-е...

– Да говори уж, раз заикнулась.

– И то верно. Коль заикнулась... Нет, не могу.

– Не могу, не могу... – передразнил Сабир. – Сейчас в репейник брошу!

Баба Катя ёрзнула у него на спине и выдала:

– Терпи, пока-а терпят бока-а.

– Про меня, что ли?!

Перед его глазами встала старая откритка, которую видел ещё в детстве: босоногий китаец несёт на себе богатого соплеменника под зонтом. «Интересно, – подумал он, – как называется человек, который везёт на себе другого?»

– Обиделся? – услышал он за ухом и спросил вместо ответа:

– Голову не напекло?

– Не, я ж в платочке.

Через короткое время настроение у неё изменилось. Она начала ныть, что они опоздают, что ничего не получится и останется она слепой курицей.

– И почему ветер всегда навстречу, спрашиваю? – был следующий её всхлип уже в самое ухо.

Он обернул голову:

– Это я тебя спрашиваю: где твой райцентр? Сколько уж скачем по степи! Давно бы дорогой дошли.

– Сама дивлюсь. Верно ж, кажись, направлялись...

Сабир чувствовал себя дурно. Во рту пересохло, голова раскалилась, как чугунок на огне, ноги заплетал ковыль. Наверное, так и должно быть, когда слепой зрячему дорогу указывает. В мозгу вспыхнула другая картинка, но всё на одну и ту же тему: «Почерневший лицом от солнца и ветра шерп эвакуирует на своей спине альпиниста».

Вскоре трава кончилась, вышли на песок. Легче не стало. Зыбучая почва лишала ходока с грузом на спине равновесия. Тут ещё корни какие-то повсюду.

Но он неотступно, как заведённый, пёр по намеченному курсу.

Порыв ветра поднял тучу песка и бросил на путешественников.

– Откель песок-то? – удивилась баба Катя.

– Так пустыня началась, Сахара! – ответил Сабир, отплёвываясь. – Не видишь?

– А то!.. – обиделась старуха. – Прозрела у тя тут на шее.

– Прости...

– Бог простит.

Она давно уже поняла, что забрели они куда-то не туда. Сбились с пути. Иначе давно бы дошли. Боялась не только вслух сказать, но и себе признаться. С прежними глазами-то не допустила б такого. «Расхвасталась: и без глаз каждую кочку вижу! А теперь хоть помри у него тут на спине от стыда и позора!» – думала она, и слёзы закапали проводнику на спину

Но он не заметил, споткнулся о корягу...

Что интересно, в жизни до этого, споткнувшись, поскользнувшись, оступившись, ни разу не падал. Взмахивал руками-ногами, как крыльями, балансировал корпусом и выворачивал из любого пике. По крайней мере, не помнил нелепых, «штатских» приземлений. Он всё внештатное, нелепое называл штатским. А тут грянул со своей ношей в безбрежный простор пустыни, то есть, если быть точным, ткнулся носом прямо в горячий песок. Неловко так, бестолково, только и успел воскликнуть при падении:

– И-и, Алла!

Бабка же, как он ни пытался удержаться её, вылетела из своего насиженного седла и закувыркалась, точно перекасти-поле.

– Жива? – спросил он, когда полёт закончился, и оба они замерли в неподвижности.

– Кажись, да... – застонала минуту назад благополучная пассажирка. – Только головой о што-то твёрдое ткнулась. А ты?

Он не ответил.

– Э-эй! – испугалась она.

Отозвался Сабир не сразу. Положение у него было не самое радужное – подвернул капитально ногу.

– Не шею же, – зауспокаивала она, узнав, в чём дело.

Нога в высоком ботинке стремительно разбухла, вот-вот шнурки лопнут. О боли и речи нет!

– Пить... – сипло вырвалось у него. Рот связывала небывалая сухость. Язык, будто к нёбу прикипел.

– Водички-то у нас с собой нету, – констатировала спутница общее их разгильдяйство.

«Ё-ка-лэ-мэ-нэ! – выругался он про себя за секундную слабость. – Пить ему подавай!» А слух выдавил:

– Знаю.

К тому же глаза запорошило, и он тёр и тёр их кулаками. Затем сел покомфорней, если можно так сказать, и вслепую расшнуровал обувь: «Подумаешь, ещё ни в такие переплёты попадал!»

Но песок из глаз вместе со слезой не выходил.

– А-а, я поняла, куда нас загнуло! – сказала баба Катя, потрагивая шишку на лбу. – Это Захаркина Плешь. Тут, знамо дело, и озерцо должно быть, пошти как у нас. Вон, я ж вижу...

– Как же ты, слепая, видишь? – преодолевая сушь во рту, произнёс Сабир.

– Дык, не мерещится ж мне! Глаз-ми вижу. Вон оно под ветром волнами ходит. – И вдруг ойкнула и зашептала: – Боже ж мой, неужели прозрела! Это ты, ты-ы, Всемиловитый, путь светлый указал и камень подложил, чтоб я, раба твоя, соприкоснулась с ним межглазьем своим!

– Может, это ковыль, как обычно, волнами ходит? – засомневался Сабир. – А тебе озеро мерещится.

– Не-е, я его с детства помню. И купалась, и коня поила... Щас, соседушко дорогой... ты ж у нас Терпеливый... мигом принесу те напитокя.

Баба Катя подтянула сумку, достала иконку в полиэтиленовом пакете. – Надо

ж, надо ж! – Пакет освободила, а образ Божий обратно спрятала. – Одна нога здесь, другая...

Она встала, прозрачный мешок в её руке от ветра надулся пузырьём, она приложила его к груди, суетливо свернула и пошла.

Сабир не понимал, каким-таким образом на старости лет, в чистом поле можно прозреть? Он скинул с ноги ботинок, стащил носок, глаза тереть перестал – бесполезно, только хуже можно сделать грязными руками. Ничего, ещё ни в такие переплёты попадал!

Баба Катя вернулась через вечность.

– Щас напою тя!

Вода была тёплой и противной.

– Не кривись, наш Алтай пил – не отравился. Только хвостом от удовольствия помахиwał.

Сабир нашёл силы в себе усмехнуться.

– И глазки промоем. А потом ишо принесу.

Она вылила остатки воды на его пропечённый солнцем затылок и опять ушла.

Солнце перевалило на вторую половину неба. Ветер не стихал. Баба Катя в поход за водой ходила несколько раз. Она ополоснула ему глаза, омыла вывихнутую ногу, да и всего его по пояс окатила:

– Всё равно рубаха вся наскрось...

После чего накрыла стриженую голову сплетённым из каких-то стеблей чем-то навроде венка или панамы.

Со временем глаза стали опривляться. Но всё равно были набухшими, красными и не переставали слезиться – просто течь ручьями.

– Теперича не мне нужда до глазника-то, – качала головой баба Катя.

Из очередного похода она вернулась с корягой в руке.

– Вот, нашла те посох.

Стали совещаться.

– Надо идти, – собрался с духом Сабир.

– А смогёшь?

– Не дойду, так доползу.
– Куды идтить-то? В райцентр или обратно?
– Обратно, – ответил он.
– В больницу те, дружочек мой ситный, надоть сперва.
– Нет, Катрин, домой.
– Какая я те Катрин?! Забрел, што ль, уж совсем!
– Домой... по ветру, баб Кать, по ветру. Теперь он нам союзник. – Сабир озирался, поднял в сторону солнца всё ещё влажную голову в панаме из ковыля, половил ноздрями горячие волны степного воздуха и скомандовал:
– Подъём!
На больную ногу встать не мог, глаза почти ничего не видели, но у него теперь в друзьях были баба Катя, посох и попутный ветер в спину.
С грехом пополам двинулись. Степь слушала песнь невидимого высоко в чистом небе жаворонка.

Не успели с песка в травы ступить – посох сломался. Со своим «рематизмом» сломалась и «Катрин». Не особо вспомоществовал попутный ветер, потому как путники не шли, а уже совершенным образом ползли.

Он помогал себе обломком коряги, точно штыком или сапёрной лопаткой. Она...

А что она? Не уставала мечтать о встрече с внучками, ободрять: «Видят очи – найдутся мочи». И рассказывать, какая красивая степь вокруг. А ещё общила по секрету:

– Сёдня ночью выйду из дому, встану на свой дубовый пенёк и на звёзды погляну. Давно не видала их.

Ветер гнал седые волны ковыля и подталкивал два маленьких, затерявшихся в степи существа в сторону деревни. Здесь ветры всегда дуют в одном направлении.

